

УДК 94 (470.6)
ББК 63.3 (235.7) 521
Б 91
Л.В. Бурькина

Расширение военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е г. XVIII – 60-е г. XIX в.

Аннотация:

В статье рассматривается процесс расширения военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е г. XVIII – 60-е г. XIX в., подчеркивается доминирующая роль в формировании линейного казачества Кубани выходцев из южнорусских однодворческих населенных пунктов. Автор акцентирует внимание на актуальность проблемы пополнения Кавказского линейного войска, создание Лабинской кордонной линии и нарастающее взаимовлияние русской, украинской и адыгской этнографических групп в рамках многогранного процесса интеграции народов Кавказа в состав российского государства.

Ключевые слова:

Кавказское линейное казачье войско, правый фланг Кавказской линии, Лабинская кордонная линия, однодворцы-казаки, казачки Кубани, русская этнографическая группа, украинская этнографическая группа, субэтнос кубанское казачество.

В 90-х гг. XVIII в. государственная территориальная политика России приобрела ярко выраженную тенденцию к закреплению приобретенных земель путем создания на них мощных опорных пунктов, крепостей и укрепленных линий. После присоединения Правобережной Кубани к России начинается планомерное заселение края казачеством, поскольку военно-казачья колонизация была испытанным средством, применявшимся российским правительством при занятии и освоении новых территорий. Исходными этноопределяющими кубанского казачества выступили два компонента: русский и украинский. Кубанское казачество сформировалось в процессе сосуществования и развития Черноморского казачьего войска и кубанских полков линейных казаков (с 1832 г. – Кавказского линейного казачьего войска). В исторической литературе до настоящего времени распространены стереотипы и упрощенное рассмотрение черноморцев как «потомков запорожских казаков», а кубанских линейцев – как «потомков донских казаков»¹. К 1794 г. в Черноморском войске бывшие запорожцы составляли не более 30%. Около 40% приходилось на долю «охотников», набранных во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг., а 30% составляли «прочие», примкнувшие к отрядам З. Чапеги и А. Головатого в причерноморских и приазовских степях². В работах В.А. Колесникова подчеркивается преобладающая роль в формировании линейного казачества Кубани выходцев из южно-русских однодворческих населенных пунктов³.

Еще до окончания русско-турецкой войны и заключения Ясского мирного договора в декабре 1791 г. генералом И.В. Гудовичем был составлен план заселения слабо укрепленных участков, на которых должны быть созданы 12 новых станиц по Кубани. Этот проект в основном был одобрен Екатериной II. Предполагалось поселить 6 казачьих полков донских казаков, находившихся на службе на Кавказской линии⁴. Но такая мера вызвала бунт, и казаки, оставив своих старшин, забыв знамена, ушли на Дон, вызвав там всеобщее смятение. Для усми-

рения непокорных были посланы регулярные войска. Только через 3 года удалось отправить на Кавказ 1000 семейств (4700 душ обоого пола) вместо предполагаемых 3 тысяч казачьих семейств, из которых Гудович образовал Кубанский линейный казачий полк, поселенный в 6 станицах: Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполисской, Прочноокопской, Темполесской и Воровсколеской⁵. Старожилы данных станиц в XIX в. называли «кнутабойцами», напоминая им о наказании их предков – бунтовщиков плетью палачей перед переселением на Кубань⁶. Они составили первое население Кубанской укрепленной линии на дистанции от Усть-Лабинской крепости до Урупа⁷.

Затем в миграционных потоках начинают доминировать однодворцы – потомки московских служилых людей, занимавших в конце XVIII – начале XIX вв. промежуточную социальную нишу между государственными крестьянами и дворянами. Однодворцы переселялись прежде всего из Курской и Воронежской губерний, кроме того – Орловской, Тамбовской и Слободско-Украинской (Харьковской) губерний⁸.

Российское правительство стремилось заселять казачеством незащищенные участки Кавказской линии. В 1802 г. были заселены на Кавказской линии⁹ еще четыре станицы при редутах Ладожском, Тифлисском, Казанском и Темижбекском¹⁰. Жителями этих станиц стали бывшие казаки Екатеринославского войска, переименованные в 1796 г. в гражданское звание. Они «в числе 3300 душ мужского пола предпочли спокойной жизни однодворцев переселение в беспокойный край из-за сохранения дорогого им казачьего звания»¹¹. Из них был образован Кавказский полк.

Переселением на Северо-Западный Кавказ бывших казаков Екатеринославского войска было положено начало массовому привлечению потомков «детей боярских», русских служилых людей к охране правого фланга Кавказской линии. Под наименованием «екатеринославские казаки», вопреки мнению некоторых современных исследова-

дователей, считавших их малороссами по происхождению, скрывались однодворцы бывшей Украинской линии, переведенные в 30-е гг. XIX в. из Белгородской заочной черты¹².

В 1804 г. на Кавказскую линию переселили 378 мужчин-однодворцев Слободско-Украинской губернии, которые тоже прежде служили в Екатеринославском войске. Эти переселенцы основали станицу Воронежскую и вошли в состав Кавказского полка¹³.

С этого времени казаки Кавказской линии стали реальным оплотом на южной границе России против горских народов, продолжив кордонную линию, занятую черноморцами, от урочища «Изрядный источник» до урочища Темижбек.

Тем не менее потребность в казачьих войсках на линии была настолько ощутимой, что российские правящие круги не раз пытались пополнить их за счет горского населения. Например, по принятому положению 1823 г. о казачьих войсках в состав линейного казачества были включены Бабуковский аул в количестве 647 человек, «Моздокские казачьи братья» (осетины и адыги) – 583 человека, причисленные к Горскому полку¹⁴.

В 1826 г. на Кавказской линии были вызваны с Дона хопёрцы и поселены в станицах Баталпашинской, Беломечетской, Невинномысской, Барсуковской и Карантинной, образовав Хопёрский полк¹⁵. После этого переселения хопёрцев цепь казачьих поселений протянулась от Тамани до Константиноградской крепости и далее до устья реки Терек.

В конце 20-х и начале 30-х гг. XIX в. в связи с ведением ширококомасштабных военных действий на Северо-Западном Кавказе царское правительство позволило в значительных размерах поступать в казаки выходцам из внутренних губерний. По положению от 1 октября 1829 г.¹⁶ и указу от 19 мая 1831 г.¹⁷ в казачье звание стали приниматься даже без представления увольнительных от обществ. Потребность в увеличении казачества была настолько велика, что местная администрация нередко закрывала глаза, когда в его состав проникла даже значительная часть беглых крепостных крестьян.

В 1832 г. из Кубанского, Кавказского, Хопёрского полков и из казаков, живших по Тереку, было образовано одно Кавказское казачье линейное войско. В него были зачислены также 17 селений, смежных с казачьими и образованных из однодворцев и отставных солдат¹⁸.

В сентябре 1832 г. население Кавказской линии было пополнено 1300 малороссийскими казаками, переселившимися из Полтавской и Черниговской губерний, а в декабре этого же года – крестьянами 31 казённого селения Кавказской области, обращенными в казачье сословие¹⁹.

В 1833 г. состав линейцев Кубани был увеличен новыми переселенцами из числа жителей казенных селений и трех станиц, отдаленных от Кубанского и Хоперского полков, из которых был образован Ставропольский казачий полк. По данным первого наказного атамана Кавказского линейного войска генерал-майора П.С. Верзилина на 31 марта 1837 г., казачье население Кубанского, Кавказского, Хоперского, Ставропольского и Волгского полков составляло 56702 души мужского пола, размещенных в 54 станицах²⁰.

В конце 30-х гг. XIX в. по предложению генерала Г.Х. Засса было начато устройство новой Лабинской кордонной линии. Николай I торопил местные власти с ускорением Лабинской линии²¹. Помимо укреплений и постов, закладывавшихся по р. Лабе и ее притокам, планировалось основать еще целый ряд казачьих станиц. Следует отметить, что до учреждения Лабинской линии Кубанская была передовой и подвергалась частым, иногда весьма опустошительным, вторжениям горцев. «С переселением кордона на Лабу, – подчеркивал капитан Генштаба Забудский, – Кубанская линия сделалась безопаснее от нечаянных вторжений, уже казаки занимаются хлебопашеством без оружия и скот на ночь не загоняют в станицы»²².

С горскими набегами женщины-казачки столкнулись уже в первые годы после переселения на Северо-Западный Кавказ. Степень безопасности женщин в условиях агрессии зависела от укрепленности станиц и оборонноспособности конкретного участка линии, правильности выполнения ими режимного внутрестанционного регламента, личных психологических и физических качеств казачек. Набеги не носили постоянный и ровный характер. Они во многом зависели от сезонности и эпидемиологической ситуации, от военных событий на Кавказской линии и цикла сельскохозяйственных работ в аулах. Так, наибольшее количество пленниц захватывалось за Кубанью осенью – 45,5 % всех случаев. В условиях военного времени женщины выходили за пределы станиц под охраной. Если ожидалось нападение крупной партии горцев казачек могли не выпускать из станиц несколько дней и даже недель. Основной целью горских набегов был захват скота и людей. Поэтому 94% пострадавших женщин стали пленницами. В горах казачки могли стать женами и свободных горцев или их рабов кавказского или российского происхождения, а также быть наложницами или работницами в доме хозяина. В большинстве случаев казачки принимали ислам, меняли имя и образ жизни на кавказский, что способствовало их глубинной деэтнизации²³.

К осени 1840 г. Лабинская линия была прикрыта от адыгов укреплениями Зассовским, Махошевским и Темиргоевским. Поселенцы в новых станицах появились в мае 1841 г. Это были казаки Кавказского линейного войска, которым по жребию пришлось оставить прежние места жительства. Первые четыре станицы новой линии оказались заселенными по полковому принципу. В станице Лабинской (на р. Лабе) оказалось поселенными 180 семей из Кавказского казачьего полка, в станице Чамлыкской (на р. Чамлыке) – 180 семей Ставропольского полка, в станице Вознесенской (на р. Чамлыке) – 170 семей из Кубанского полка и в станице Урупской были водворены 130 семей из Хоперского и 40 семей из Волгского линейных полков²⁴. Кроме того, к ним были добавлены 21 офицер и казаки из Терского, Моздокского, Гребенского полков и «63 дезертира, вышедших из Персии», которые равномерно были распределены по станицам²⁵. Упомянутые четыре станицы положили начало образованию Лабинского полка, включенного в состав Кавказского линейного войска. Таким образом возникла Новая линия, названная так в отличие от Старой. Далее Николай I в приказе, отданном командиру отдельного Кавказского корпуса, предписывал – «нанести как можно более чувствительное

наказание абадзахам, шапсугам и натухайцам и не ограничиваясь довершением устройства возведенных на Лабе укреплений, поселений четырех станиц, предпринимая бы в видах будущего занятия линии на Белой, сильное наступательное движение к этой речке и далее за оную, вдаваясь сколь можно далее в горы»²⁶.

Вопрос о пополнении Кавказского линейного войска не терял своей актуальности, и кавказское начальство не упускало ни одного случая, чтобы превратить не только казенных крестьян, но и горожан в казачье звание. В 1837 г., например, когда заштатный город Александров был причислен к Хоперскому казачьему полку, то позволено было выехать в другие города только купцам православного вероисповедания, а всех других «без исключения, к какому бы сословию они не принадлежали, зачислить в казаки»²⁷. В состав линейных казаков переводились и многочисленные семейства казенных поселян, живших в казачьих станицах и потерявших кормильцев, а также нижние чины, взятые на службу из тех селений, которые в 1832 г. были обращены в казачьи станицы²⁸.

В 1845 г. в станицу Георгиевскую Волгского полка были поселены 50 мужчин и 40 женщин из государственных крестьян Воронежской губернии, Острожского уезда, слобод Новой Калитвы и Ивановки²⁹. Пополнение Кавказского линейного войска шло не только за счет небольших по размерам групп, но и значительных партий. Например, 10 февраля 1846 г. начальник главного штаба войск на Кавказе сообщал командующему войсками на Линии и в Черномории, что из числа малороссийских казаков, пожелавших переселиться на Кавказ, следует 1000 семейств «обратить на пополнение убыли в старых полках Кавказского линейного войска, из которых в последние годы переселено на новые наши линии весьма значительное число людей»³⁰.

Политика увеличения казачьих войск проводилась и в дальнейшем. Граф И.Ф. Паскевич, как и его предшественники, полагал возможным и необходимым обратить всех казенных крестьян Кавказской области в казачье звание³¹. В 1845 г. население Кубанской линии составляло 52758 человек и проживало в 36 станицах³².

14 февраля 1845 г. было утверждено «Положение о Кавказском линейном казачьем войске», согласно которому учреждались бригадные правления, полковые и станичные управления. Выборные принципы у линейных казаков были исключены с самого начала. Мера поземельного довольствия в полках Правого фланга Кавказской линии полагалась: штаб-офицерам по 300 десятин, обер-офицерам по 60 десятин, нижним чинам по 30 десятин на душу³³.

Продолжалось интенсивное заселение Лабинской линии. Так, в 1843 г. в станицу Тенгинскую из Кавказского, Кубанского, Ставропольского, Хоперского полков было отправлено 875 мужчин. Следует подчеркнуть, что наибольшее число переселенцев бралось из четырех вышеупомянутых полков (позднее бригад), располагавшихся на правом (кубанском) фланге Кавказской линии. Представителей этих четырех казачьих соединений можно было обнаружить во всех станицах Лабинской линии, возникших позже.

Главным колонизационным элементом линии, следовательно, являлось линейное казачество, хотя были

представлены и другие группы переселенцев. Так, с 1841 г. по 1857 г. на линии было поселено 400 семейств государственных крестьян, 1549 женатых нижних чинов, 54 дезиртира³⁴. Уже в 1845 г. население Лабинской линии составляло, по свидетельству атамана Кавказского линейного войска С.С. Николаева, 17449 человек³⁵.

В 50-е гг. XIX в. было начато устройство новой оборонительной линии по р. Уруп. При заселении новых урупских станиц (Бесскорбная, Отрадная, Удобная, Спокойная и др.) основную массу переселенцев составили линейцы. Так, станица Отрадная была устроена в 1858 г. На месте нынешнего поселения прежде был адыгский аул, но о его жителях не сохранилось никаких преданий. Отрадная, раньше называвшаяся Усть-Тигинской, была населена частью переселенцами из станиц старой линии, частью выходцами с Дона³⁶. Среди населения Урупской бригады переселившиеся линейные казаки составили большинство – 1988 человек, в то время как с Дона на Уруп было отправлено 296 казаков, малороссийских казаков и государственных крестьян оказалось 359 человек, анапских поселян – 495 и солдат регулярных полков – 590³⁷.

В середине XIX в. система постов и укреплений Кавказской линии в междуречье Лабы и Кубани выдвигается к предгорьям Кавказского хребта. В 1859 – 1861 гг. в верховьях рек Лабы, Урупа, Зеленчука возникают станицы: Зеленчукская, Кордоникская, Сторожевая, Преградная, составившие Зеленчукскую кордонную линию³⁸. Заселение линии на Лабе приобрело столь широкий размах, что с 1841 г. по 1860 г., по подсчетам Ф.А. Щербины, здесь было основано 32 станицы³⁹.

Жизнь казачьего населения на Линии оставалась все время напряженной. Потери во время походов против горцев были значительными. Казачья служба продолжалась от 20 до 50 лет, а фактически всю жизнь. Неоднократно Кавказский регион поражал голод. Особенно неутешительным был 1833 г., т.к. предшествовавшие годы отличались малыми урожаями, а весна и лето 1833 г. были совершенно сухи. Поселенцы, чтобы выжить, к муке добавляли дубовые желуди, опилки и прочее. Бывали случаи увечья между родными из-за куска хлеба, случались и убийства⁴⁰. Обычными явлениями на Кавказе были эпидемии и эпизоотии. Несмотря на то, что за свою жизнь женщины-казачки производили на свет в среднем по 10-17 младенцев, реально в семьях воспитывалось по 4-5 детей. Этому способствовали и трудоемкие хозяйственные работы, выполняемые казачками вплоть до окончания беременности; и отсутствие полноценного питания беременных женщин в условиях военного времени (и как следствие рождение слабых и не способных к жизни младенцев); и высокий уровень инфицированности детей (особенно в возрасте до 5 лет) в результате повсеместной антисанитарии, невыполнения правил элементарной гигиены и низкого уровня акушерства и медицины в целом. Антисанитария приводила к распространению таких болезней, как чума, оспа, холера и др., которые уносили сотни человеческих жизней⁴¹. Смертность населения часто превышала рождаемость. Средняя продолжительность жизни переселенцев не превышала 26-27 лет, тогда как у французов она составляла 35 лет, у немцев – 32 года, у англичан – 38 лет⁴². Многие казаки не имели самых эле-

ментарных бытовых условий. Так, в станице Бескоробной большинство казаков не имело домов и жило в плохих землянках. Средств, выдаваемых на обзаведение хозяйством, не хватало⁴³, жителям ее, в 1860 г. переселившимся из Полтавской губернии (144 семьи), в такой помощи было вообще отказано⁴⁴.

Тем не менее местные власти вынуждены были часто выделять необходимое количество провианта для прибывших. Например, в сентябре 1860 г. казакам станицы Родниковской было выдано муки 1255 четвертей, 117 четвертей круп и пр.⁴⁵ Квартирная или постоянная повинность обременяла и без того нелегкую жизнь казаков⁴⁶.

Заключительный этап военно-казачьей колонизации Закубанья был начат в 60-е гг. XIX в. Для основания станиц в нагорной полосе Северо-Западного Кавказа потребовалось большое количество переселенцев из линейных станиц. Например, в станице Бесленевской, созданной в 1861 г., было поселено 200 казачьих семей охотников из станиц Барсуковской, Татарской и Темнолесской Ставропольской казачьей бригады⁴⁷. Станица Севастопольская, устроенная в 1862 г., была заселена в основном казаками Кубанской и Хоперской бригад⁴⁸. Станицу Самурскую основали в 1863 г. линейные, донские и черноморские казаки, которые были причислены к казакам Кубанского войска⁴⁹. Всего за период с 1861 по 1864 гг. в Закубанье переселилось 14396 семей, из которых 4490 семей дало линейное казачество⁵⁰.

В этническом отношении линейные казаки представляли собой достаточно разнородную смесь, но доминировала среди них великорусская культурная традиция. Определенное влияние на формирование устоев культуры оказала культура адыгов, а также старообрядчество. Время с конца XVIII до середины XIX в. характеризуется нарастающим взаимовлиянием российского и адыгского населения в рамках многогранного процесса интеграции народов Кавказа в состав российского государства. Этот процесс включал в себя не только военную агрессию, но и торговые, дружеские и даже родственные отношения между обеими сторонами. Многие казачьи семьи брали на воспитание осиротевших детей горцев (в том числе и в рамках аталычества). Взаимное культурное влияние усиливалось через браки. Например, давалось разрешение на браки казаков с горянками с выплатой правительством «свадебного» пособия. Поддерживалась традиция куначества с закубанцами. Казачки перенимали у горянок новые способы приготовления пищи. Горские элементы проникали в модели одежды и обуви. Казаки приобретали кавказские породы скота и лошадей, а также огородные и полевые культуры.

В Кавказском линейном казачьем войске происходили как взаимодействие и унификация локальных вариантов южнорусской культурной традиции, так и интенсивные русско-украинские ассимилятивные процессы. Несмотря на большую этническую пестроту, среди кубанских линейцев очевидно ведущее значение южнорусской традиции⁵¹. В целом можно говорить о складывании в XIX в. русской этнографической группы на Северо-Западном Кавказе. Она формировалась в тесном взаимодействии с украинской этнографической группой, представленной черноморским казачеством. Этому способствовали совместная служба, общность военно-

политической обстановки на Кавказе, близость славянской культуры, православное вероисповедание, смешанные браки, совместное освоение Закубанья⁵², являвшегося зоной наибольшего этнического смешения. Здесь кавказская администрация поселяла южнорусских однодворцев и государственных крестьян, линейных кавказских, малороссийских, азовских, донских, уральских, оренбургских казаков, нижних чинов и офицеров регулярных войск. Постепенно происходил процесс становления нового самосознания и самоназвания, связанного с территорией Кубани: «кубанцы», «кубанское казачество». Самосознание проявлялось в официальном делопроизводстве, в фольклоре и других блоках традиционной культуры⁵³. Осознавая себя как часть русского этноса, казачество Кубани одновременно осознавало и свое отличие от него⁵⁴. Российское правительство создало необходимые условия для зарождения этногенетических процессов, приведших к возникновению новой восточнославянской общности – субэтноса кубанское казачество⁵⁵. Это было официально закреплено указом Александра II от 19 ноября 1860 г. в названии Кубанского казачьего войска. «Черноморскому казачьему войску именоваться «Кубанским казачьим войском». В состав Кубанского казачьего войска обратить первые шесть бригад Кавказского линейного войска в полном составе, с землею, которою они доселе пользовались, со всеми войсковыми и общественными заведениями и зданиями, в районе этих бригад находящимися»⁵⁶.

Таким образом, с конца XVIII в. вплоть до вхождения линейных казаков в Кубанское казачье войско, российское правительство проводило политику укрепления Кавказского линейного войска, дальнейшего расширения военно-казачьей колонизации Северо-Западного Кавказа. В течение длительного времени линейное казачество пополнялось различными группами населения, главным образом, выходцами из внутренних губерний России, и путем зачисления в казачье сословие казенных селений в северокавказском регионе. Линейные казаки принимали активное участие в интенсивном заселении закубанских земель. Линейное войско представляло собой своеобразный форпост в наступлении на адыгские народы с целью их покорения.

Примечания:

¹ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003. – С. 45.

² Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX в. Сословный строй. Социальные отношения. – Краснодар, 1993. – С. 7.

³ См.: Колесников В.А. Однодворцы – казаки. – СПб., 2000; Он же. От служивых людей Московии: К 200-летию со дня основания Тимижбекской, Казанской, Тифлисской, Ладжской и Воронежской станиц // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. – Краснодар, 2002.

⁴ Бентковский И.В. Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1. – С. 68.

⁵ Фелицын Е.Д. Материалы по истории Северного Кавказа. Всеподданнейший доклад Г.А. Потемкина об учреждении Азовской линии и переселении на Северный Кавказ Волгского и Хоперского казачьих войск / Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1895. – Т. 3. – С. 4.

- ⁶ Ламонов А. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794 – 1894) // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1898. – Т. 4. – С. 2 – 3.
- ⁷ Фелицын Е.Д. Побег с Кубани трех Донских полков в 1792 году, бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка 1895 года // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1898. – Т. 4. – С. 4.
- ⁸ Колесников В.А. Одинодворцы-казаки. – СПб., 2000. – С. 258.
- ⁹ Точнее на правом фланге этой линии, которая начиналась от редута «Изрядный источник» близ крепости Усть-Лабинской и простиралась вплоть до Каспийского моря. Правый фланг сначала шел по реке Кубани, а затем перемещен на Лабу.
- ¹⁰ Могилевцев Н.М. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1894. – Т. 3. – С. 8.
- ¹¹ Орлов П. Памятка кубанского казака. – Екатеринбург, 1914. – С. 25.
- ¹² Колесников В.А. Указ. соч. – С. 259.
- ¹³ Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, отражающих Кавказскую линию, и о соседствующих горских народах. – СПб., 1823. – С. 48; Шахов Д. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1883. – Т. 1. – С. 647.
- ¹⁴ Бенгковский И.В. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного, ныне Терского казачьего войска // Ставропольские губернские ведомости. – 1880. – № 2.
- ¹⁵ Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 – 1896 гг. – Тифлис, 1900. – Ч. 1. – С. 25-26.
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 2-е. – Т. 4. – Ст. 3205.
- ¹⁷ ПСЗРИ: Собр. 2-е. – Т. 6 – Отд. 1. – Ст. 4579.
- ¹⁸ См.: Положение о Кавказском линейном казачьем войске. – СПб., 1845. – С. 2-4.
- ¹⁹ ПСЗРИ: Собр. 2-е. – Т. 7. – Ст. 5630.
- ²⁰ Бенгковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые «крещенные калмыки». Извлечение из «Ставропольских губернских ведомостей». – 1880. – №№ 35, 38, 42.
- ²¹ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1884. – Т. 9. – С. 399.
- ²² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. – СПб., 1851. – Т. 16. – Ч. 1. – С. 108.
- ²³ Цыбулькинова А.А. Казаки Кубани в конце XVIII – середине XIX в.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени: Автореф. канд. дис. ист. наук. – Армавир, 2004. – С. 17-18.
- ²⁴ Орлов П. Указ. соч. – С. 26.
- ²⁵ Колесников В.А. Линейные казаки в заселении Закубанья (40-е – 60-е гг. XIX в.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 1996. – С. 114.
- ²⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6380. Лл. 117 об., 118.
- ²⁷ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.
- ²⁸ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 157. Лл. 19, 20.
- ²⁹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.
- ³⁰ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 346. Л. 1.
- ³¹ АКАК. – Тифлис, 1878. – Т. 7. – С. 826.
- ³² РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 214. Л. 15.
- ³³ См.: Положение о Кавказском линейном казачьем войске. – СПб., 1845.
- ³⁴ Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII – первой половине XIX вв. – Пятигорск, 1967. – С. 28.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 214. Л. 15.
- ³⁶ Иванов Д. Станица Отрадная, Кубанской области, Баталпащинского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1888. – Вып. 6. – С. 10-11.
- ³⁷ Колесников В.А. Указ. соч. – С. 115.
- ³⁸ АКАК. – Тифлис, 1904. – Т. 12. – С. 668.
- ³⁹ Щербина Ф.А. Колонизация Кубанской области // Киевская старина. – Киев, 1883. – Т. 7. – № 12. – С. 538.
- ⁴⁰ Ламонов А. Указ. соч. – С. 9.
- ⁴¹ Цыбулькинова А.А. Указ. соч. – 22, 25.
- ⁴² Стефанов Т. Город Ейск. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1883. – Т. 1. – С. 250.
- ⁴³ ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 25. Л. 199.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 50.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 171.
- ⁴⁷ Близников П. Станица Бесленевская, Кубанской области, Майкопского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1888. – Вып. 6. – С. 133.
- ⁴⁸ Шапошников К. Севастопольская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1889. – С. 111.
- ⁴⁹ Кобеляцкий В. Станица Самурская, Кубанской области, Майкопского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1888. – Вып. 6. – С. 99.
- ⁵⁰ Бенгковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. – Екатеринбург, 1883. – Т. 1. – С. 76.
- ⁵¹ Бондарь Н.И. Кубанское казачество (этносоциальный аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. – М., 1995. – С. 10.
- ⁵² Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов): Дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. – М., 1996. – С. 69-70.
- ⁵³ Бондарь Н.И. Указ. соч. – С. 22.
- ⁵⁴ Бондарь Н.И. Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос – пространство – время // Старый Свет: Археология. История. Этнография. – Краснодар, 2000. – С. 154.
- ⁵⁵ Там же. – С. 155.
- ⁵⁶ ПСЗРИ: Собр. 1-е. – Т. 35. – Ст. 36327.